УДК 37.017.922

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
БОГОСЛУЖЕБНЫХ ЧТЕНИЙ
СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ
И НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ
ПОНЯТНОСТИ
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА**

Акимов Константин Аркадьевич
магистрант направления подготовки
«Теология», профиль
«Церковнославянский язык: история
и современность» Сретенской духовной
семинарии
E-mail: konstakimov98@gmail.com

Для цитирования: *Акимов, К.А.* Педагогическое значение богослужебных чтений Священного Писания и некоторые пути достижения понятности церковнославянского текста // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 3 (12). С. 206–214.

Аннотация

Православная Церковь знает много педагогических средств для просвещения и назидания народа. Наряду с устной проповедью среди древнейших являются используемые в богослужении тексты: Священное Писание и гимнография. Однако в Русской Церкви, языком богослужения которой на территории России является церковнославянский язык, уже давно существует проблема его понимания. Грамотная замена слов с изменившейся семантикой или вовсе устаревших слов может облегчить понимание прихожанами богослужения без ущерба церковнославянскому языку.

Ключевые слова: церковнославянский язык; Священное Писание; богослужение; педагогика.

Господь наш Иисус Христос, обращаясь к ученикам, направил их не только проповедовать всем народам Благою Весть и совершать таинства, но и учить их, наставляя в вере, что следует из Его

слов: *Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28, 19–20). Церковь знает много педагогических приемов и техник для назидания народа Божиего. При этом одним из древнейших и традиционных способов, наряду с устной проповедью, является передача информации через тексты богослужения.

Богослужebные тексты можно условно поделить на две устойчивые категории: Священное Писание и гимнография. Среди текстов обнаруживается немало жанров со своими собственными задачами, как то: повествование о событиях Священной Истории, раскрытие догматических истин, славословие и благодарение, призыв к покаянию и многое другое. Однако общая цель присуща всем текстам богослужения – просвещение членов Церкви ради их спасения. Мы коснемся только первой категории текстов, а именно Священного Писания.

Священное Писание занимает большую часть текстов, используемых Православной Церковью. Среди текстов Ветхого Завета в богослужении встречаются псалмы и их производные, чтения избранных тематических отрывков – паримий и избранных библейских песен. Новозаветные тексты употребляются в богослужении в форме чтений Евангелия, Апостольских деяний и посланий на Божественной Литургии, и реже в форме паримийных чтений на Всенощном Бдении. Назначение этих чтений – благовествование о спасении и назидание членов Церкви в основах веры.

И здесь мы подходим к одной из проблем нашего времени, длящейся на протяжении как минимум трех столетий: непонятности языка богослужения для прихожан. Сразу следует оговориться, что речь идет совсем не о так называемых «захожанах», и даже не о посещающих богослужения по почитаемым в народе праздникам – у подобной категории людей проблема непонимания очевидна. Речь идет в данном случае о постоянных прихожанах, как минимум, каждое воскресенье посещающих храмы. Но и у таких людей отдельные богослужebные тексты вызывают затруднения в понимании. Безусловно, на восприятие человеком текста весьма сильное, а иногда решающее влияние оказывает дикция чтеца. К сожалению, некоторые не вполне заботятся о том, чтобы донести своим чтением смысл важных текстов. Однако даже в том случае, если чтец грамотен и обладает мощ-

ными голосовыми данными, все равно часть смысла может быть утрачена слушателями.

Причина, в первую очередь, кроется в устаревании некоторых форм церковнославянского языка настолько, что они подчас не вызывают никаких ассоциаций у прихожан, а в ином случае отдельные слова изменяют свою семантику в русском языке вплоть до противоположной. Приведем несколько примеров по обоим утверждениям на основе книги Псалтирь.

В случае с отсутствием слова в узусе современного русскоговорящего прихожанина напрашивается следующий пример: «*И истню я яко прах пред лицем ветра, яко брение путей поглажду я*» (Пс. 17, 43). Если не знать перевода, сложно определить, какое значение имеют здесь глаголы «поглажду» и «истню». В русском переводе П. А. Юнгера данный стих звучит следующим образом: «*И развею их, как прах пред лицем ветра, счищу их, как уличную грязь*» [1]. Согласитесь, что замена «поглажду» на «изглажду» уже несколько упрощает ситуацию, если, конечно, не полностью заменять слово на доступный славянский синоним «сотру». Глагол же «истнити», думается, никому не представляется в значении «истоптать, стирать, сокрушать в прах, изломать» [2, с. 230]. Такого же рода слова присутствуют повсеместно в церковнославянских текстах: «непщевати», «выну», «зане», «точию» и т.п.

В качестве наглядного примера, когда слова изменили в русском языке свою семантику, можно рассмотреть следующий фрагмент. «*В заповедех Твоих поглумлюся и уразумею пути твоя*» (Пс. 118, 15): «глумиться» сейчас воспринимается как синоним к слову «издеваться», в то время как еще в XVII веке оно означало «поучаться, размышлять» [2, с. 124]. Если мы обратимся к памятнику конца XIV века Киевской Псалтыри (1397), в ее тексте на этом месте стоит «поучуся», как и в последующей строке. То же касается и стиха 85: «*Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон твой, Господи*», – в XIV веке здесь стояло «учения» [3, л. 231]. Отсюда мы видим, что книжная традиция менялась, и при каждом исправлении текста слова заменялись на соответствующие времени читателей. Как ни парадоксально, но во многих случаях синонимы из дониконовской и даже более древних книжных традиций оказываются более понятны современному человеку, чем тексты Никоновской справы.

Можно сказать, что одной из главных причин нынешнего непонимания прихожанами отдельных текстов является именно Никоновская книжная справа, которая, с одной стороны, лишь усложнила церковнославянскую письменность кальками и грецизмами, и сделала синтаксис еще более мудреным, а с другой – прервала своими последствиями непрерывную традицию книжных справ. После этих тяжелых событий нашей истории церковнославянские тексты остались законсервированы сами в себе, в то время как русский язык проделал немало ступеней дальнейшего развития.

На эту проблему еще в XIX веке обратил внимание святитель Феофан, Затворник Вышенский, предлагавший оптимальный путь ее решения. Он писал следующее: «Есть вещь крайне нужная. Разумею новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши церковные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из этих песнопений совсем непонятна. А это лишает церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие сего новый перевод богослужебных книг неотложно необходим. Ныне – завтра надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиной вреда, который от этого происходит» [4, с. 143]. Из цитаты видно, какой глубокий дидактический потенциал святитель Феофан видит в богослужебных текстах. Однако, чтобы его реализовать, необходимы некоторые доброкачественные изменения.

В начале XX века, в 1907 году, была собрана синодальная комиссия по исправлению богослужебных текстов под председательством архиепископ Сергия (Страгородского), будущего Патриарха. Комиссией была проделана огромная работа по редактированию книг Постной и Цветной Триоди. В планах комиссии было издание исправленных книг без специальных пометок о корректуре с тем, чтобы они, не отличаясь от обычных книг, без волнения в народе постепенно бы выместили собой использованные ранее экземпляры. Но начало революционных действий не позволило этому грандиозному плану осуществиться в полной мере.

По итогам работы комиссии были выработаны некоторые важные принципы редактуры, на которые нам было бы целесообразно опираться и сейчас. Приведем в краткой форме некоторые из них:

1. Редактура должна иметь целью не упрощение и русификацию, а прояснение смысла, что и делали все предшествующие книжные справы.

2. Эквиваленты для замен извлекаются по преимуществу из церковнославянского языка дониконовских рукописей и старопечатных изданий. Этим обеспечится герметичность исправлений и в первую очередь сохранение стилистической однородности и традиционности церковнославянского языка. Такую методику можно применять не только к лексике, но и морфологии и синтаксису.

3. Изменения в тексте должны осуществляться, по возможности, без утраты ритмического, образного, звукового строя церковнославянского языка.

4. Нужно производить замены лексических грецизмов (не собственных церковнославянскому языку), паронимов, слов, в настоящее время непонятных или имеющих другое значение (в местах, где они затемняют смысл текста) соответствующими церковнославянскими синонимами.

5. Следует оставлять без изменений слова и фразы, устоявшиеся и понимаемые основной массой современных прихожан.

6. Для прояснения смысла надо подвергать анализу и исправлению синтаксические конструкции, как, например: дательный самостоятельный, конструкции с двойными падежами, инфинитивные конструкции, одиночное отрицание и др.

7. Стоит внимательно пересмотреть имеющий свои истоки в греческом оригинале свободный порядок слов. Его аккуратное редактирование поможет прояснить смысл многих фраз. Обращение к дониконовской форме текста, более абстрагированной от греческого синтаксиса, может содействовать в этом.

При всем объеме работы над текстами Триодей комиссией не была отредактирована существенная часть текстов, а именно тексты Священного Писания в любой их форме. В декабре 1907 года комиссией был составлен документ, посвященный принципам и задачам исправления церковнославянского текста. И в пятом параграфе данного документа перечисляются места Триоди, не отредактированные комиссией, среди которых одним из пунктов стоят

отрывки Священного Писания: «Тексты, целиком взятые из Св. Писания, как то: псалмы, паремии, прокимны. Дело в том, что текст Св. Писания, употребляемый в наших богослужебных книгах, значительно разнится от текста обычной нашей славянской Библии. <...> Прежде чем приступить к какому-нибудь исправлению библейского текста в богослужебных книгах, необходимо решить принципиальный вопрос, которая из двух редакций: синодальная или богослужебная заслуживает наибольшего уважения и должна быть положена в основу всяких исправлений. Притом исправления эти должны уже тогда простираться не на одни богослужебные книги, но и на славянскую Библию, так как существование на практике двух славянских текстов, несомненно, очень неудобно во многих отношениях» [5].

В документе речь идет об отличии текста Елизаветинской Библии от отрывков, помещенных в богослужебных книгах. Дело в том, что непосредственно сам текст Библии читался не так уж часто в отличие от тех отрывков, что имеются в церковных книгах. Чем чаще они слышались, тем быстрее они подвергались редакции во время справ. Если мы сравним псалмы в Часослове и в самой Псалтири, то сможем наблюдать некоторые различия. В дониконовских текстах оно видно еще сильнее. Однако комиссия на тот момент, видимо, не вполне была готова поднимать научный пласт, связанный уже не с литургическим преданием, а критическим исследованием Библии.

На наш взгляд, сейчас мы имеем больше материалов и доступа в этой области. Так что, если начинать работать в области умеренного редактирования богослужебных текстов, нельзя забывать и о Священном Писании, которое является основой Церкви. И если Евангельский текст еще усваивается людьми достаточно хорошо, то нельзя то же самое сказать об Апостоле, Псалтири и Паримийных чтениях.

Как было сказано выше, члены комиссии по исправлению богослужебных книг в начале XX века отдавали предпочтение дониконовским рукописям в качестве источников – эквивалентов для замены слов. Причина кроется в большей приближенности дониконовских текстов к русскому языку в отличие от современных церковнославянских текстов, тяготеющих к точной передаче греческих конструкций. Несмотря на свою архаичность, дониконов-

ские тексты, как показывает практика, могут быть гораздо более понятны современному человеку, нежели нынешняя форма церковнославянских текстов.

При начале подобной работы важно ответить на вопрос: какой текст должен ложиться в основу в качестве претендента на оригинал: Масоретский (MT), или Септуагинта (LXX)? В отношении церковнославянских текстов данный вопрос разрешается легче, чем в прочих случаях, поскольку переводы на старославянский (позже – церковнославянский) язык осуществлялись с греческого языка, а значит, зависят от последней (LXX) формы текста Ветхого Завета. Однако опора на критический текст LXX должна сопровождаться параллельным изучением рукописей профитологиев или кодексов для раскрытия полноты картины смысла текстов. Что же касается Нового Завета, следуя традиции Церкви, нам стоит опираться на Византийский тип текста, а не на Александрийский, как принято в критических изданиях, поскольку зачастую последний отображает арианскую традицию текста. Самые ранние – не значит самые церковные.

В качестве вспомогательного перевода на русский язык целесообразнее использовать не Синодальный перевод, как отражающий традицию MT, а переводы П. А. Юнгера, сделанные именно с Септуагинты, что является достаточно редким случаем для русской библиистики. Не все книги Ветхого Завета были переведены им, лишь пророческие и поэтические, включая половину книги Бытия. Но это очень хороший базис. Если говорить о Новом Завете, то наиболее точно передает особенности греческого текста перевод под редакцией епископа Кассиана (Безобразова). Однако это лишь краткий очерк, не претендующий на полную научную библиографию.

Подводя итоги, должно еще раз подчеркнуть, что тексты Священного Писания, наряду с прочими богослужебными текстами, являются чрезвычайно важным назидательным инструментом Церкви Христовой. Задачей церковных специалистов и служителей должна стать работа над прояснением этих текстов, начинающих устаревать. Актуальность этой деятельности вызвана также опасностью вытеснения церковнославянского языка и полной русификации богослужения. Сохранение церковнославянской письменности через последовательное и бережное редактирование богослужебных текстов – одна из важнейших задач Православной Церкви, в решении которой призваны принять участие ученые-филологи.

Список литературы

1. Книги Ветхого Завета в переводе П.А. Юнгера. Учительные книги / под общ. и науч. ред. А.Г. Дунаева. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2012. – 920 с.
2. Полный церковно-славянский словарь. – Москва : Отчий дом, 2009. – 1120 с.
3. *Вздорнов, Г.И.* Киевская Псалтирь. Исследование о Киевской Псалтыри. В 2 т. Т. 1. / Г.И. Вздорнов. – Москва : Искусство, 1978. – 231 с.
4. *Феофан Затворник, свт.* Собрание писем. В 2 т. Т. 2 / святой Феофан Затворник. – Репр. воспр. изд. 1898–1901 гг. – Москва : Правило веры, 2000.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6946. Л. 36–39.

UDC 37.017.922

**PEDAGOGICAL SIGNIFICANCE OF
LITURGICAL READINGS OF THE
HOLY SCRIPTURES AND WAYS FOR
ACHIEVING CLARITY OF THE CHURCH
SLAVONIC TEXT**

Konstantin A. Akimov
1st year Master Degree Student
Majoring in Theology
Specializing in Church Slavonic
Language: History and Modern Times
Sretensky Theological Seminary
E-mail: konstakimov98@gmail.com

For citation: *Akimov, K.A.* Pedagogical significance of liturgical readings of the Holy Scriptures and ways for achieving clarity of the Church Slavonic text // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 3 (12), pp. 206–214. (in Russian)

Abstract

The Orthodox Church has a lot of pedagogical methods for enlightenment and teaching of God's people. Among the oldest practices besides preaching are liturgical texts: The Holy Scriptures and hymnography. Although in the Church of Russia, where the Church Slavonic language is considered to be an official liturgical language, there exists a problem of a linguistic gap between Russian and Church Slavonic languages, which has lasted for ages. This causes misunderstanding of the majority of liturgical texts. The solution might be in a gentle correcting of archaic and complex words and structures in order to help parishioners understand the texts with the least danger for the Church Slavonic language itself.

Key words: Church Slavonic language; The Holy Scriptures; liturgics; pedagogy; editing.

References

1. *Knigi Vethogo Zaveta v perevode P.A. Yungerova. Uchitel'nye knigi* [Books of the Old Testament translated by P.A. Yungerov. Teaching books]. General and science editor A.G. Dunaev. Moscow : Publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2012. – 920 p. (in Russian)
2. *Polnyi cerkovno-slavyanskii slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. – Moscow : Otchii dom, 2009. – 1120 p. (in Russian)
3. *Vzdornov, G.I. Kievskaya Psaltir'*. Issledovanie o Kievskoi Psaltyri. [Kiev Psalter. Study on the Kiev Psalter]. In 2 vols., vol. 1. Moscow : Iskusstvo, 1978. – 231 p. (in Russian)
4. *Saint Theophan the Recluse. Sobranie pisem* [Collection of letters]. In 2 vols., vol. 2. Moscow : Pravilo very, 2000. (in Russian)
5. RGIA. F. 796. Op. 187. D. 6946. L. 36–39. [The Russian State Historical Archive. Fund 796. Series 187. File 6946. Sheets 36–39.] (in Russian)